

УДК 811.162.1:81'373.45

З. Л. Новоженова

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ
КАК ДИСКУРСИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ:
РУССКОЕ СЛОВО В ЧУЖОМ ТЕКСТЕ**

В фокусе исследования – русизмы, употребляемые в польском публицистическом дискурсе. Автор рассматривает иноязычные вкрапления в качестве компонента парадигмы иноязычных единиц языка, выявляет их прагматическую функцию.

This article focuses on Russianisms used in Polish journalistic discourse. The author considers foreign inclusions as a component of the paradigm of foreign language units and identifies their pragmatic function.

Ключевые слова: вкрапление, дискурс, прагматические функции, русизмы в польском дискурсе.

Key words: inclusion, discourse, pragmatic functions, Russianisms in Polish discourse.

Языковая организация дискурса задается, как известно, когнитивно-коммуникативной программой. Именно эта программа определяет креативную природу дискурса, которая не только отбирает языковые единицы, изменяет их свойства, но также создает и «находит» единицы, отсутствующие в коде и демонстрирующие возможность дискурса выйти за пределы языка. Например, когнитивные процессы и прагматические цели могут привлекать в дискурс такие единицы чужого языка, которые получают в нем статус иноязычных вкраплений.

Как правило, иноязычными вкраплениями считаются «незамкнутые группы слов чужого языка» [3, с. 47]. Однако лингвистическая наука не выработала однозначного отношения к данному явлению. Одни ученые (например, А. А. Леонтьев [4, с. 60–68]) понимают его широко, относя к вкраплениям «вставленные иноязычные “сегменты”, слова, выступающие в иноязычном звуковом и/или графическом, грамматическом оформлении» [4, с. 61]. Указывается также, что они могут обладать нетипичной для принимающего языка семантикой. С. Влахов и С. Флорин несколько сужают понятие вкраплений, понимая под этим термином только «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических изменений» [2, с. 267]. Как видно из приведенных определений, вкрапления рассматриваются прежде всего как проблема лексикологии. В современной науке они помещаются в лексическую парадигму иноязычных элементов языка наряду с такими явлениями, как иностранное слово, чужое слово, заимствованное слово, заимствование, варваризм, экзотизм, макаронизм, иноязычное выражение, вкрапление, включение. Одни ученые подчеркивают, что вкрапления находятся за пределами принимающего языка, что это чужая лексика – «выраже-

ние» в «родном» тексте (см., напр., [3; 5] и др.). По мнению Ю.П. Листровой-Правды, «иноязычные вкрапления — стилистическая категория литературной речи, обязанная своим появлением двуязычию (многоязычию) носителей литературного языка» [5, с. 119]. Вместе с тем признается, что вкрапления могут быть первой ступенью процесса заимствования, фиксирующей общую динамику проникновения в «родной», принимающий язык и усвоение им иноязычных элементов.

Однако природа вкраплений свидетельствует также об их текстовой маркированности. Если парадигму иноязычных явлений в языке оценивать в координатах *система — текст*, то можно заметить, что одни из них ориентированы на систему, а другие — на функционирование в тексте, дискурсе: размежевание этих явлений в языковом плане происходит по линии *система — употребление*: «классические» заимствования фиксируют системный аспект проникновения иноязычных элементов в принимающий язык, а включения, вкрапления, варваризмы, экзотизмы, макаронизмы — дискурсивный и коммуникативно-речевой аспекты.

Статус иноязычных вкраплений (включений) почти целиком находится в компетенции текста и дискурса, что, собственно, и отражается в самих терминах, называющих эти явления. Коммуникативно-речевая, дискурсивная, функциональная сущность иноязычных вкраплений почти полностью связана с их текстовой (дискурсивной) природой. Вкрапление как речевое образование — продукт дискурсивной практики: без чужого текста-дискурса это явление не существует: употребление иноязычных вкраплений всегда соотнесено с конкретной коммуникативной ситуацией и определено интенциями говорящего / пишущего субъекта. Употребление вкрапления, как правило, бывает окказиональным, ограниченным пределами текста, и детерминировано конкретной речевой ситуацией. Такие иноязычные элементы можно квалифицировать как коммуникативно маркированные.

Появление «несистемных» заимствованных единиц, каковыми становятся вкрапления, зависит, во-первых (как уже говорилось), от знания говорящим иностранным языка; во-вторых, от прагматических намерений, интенций говорящего субъекта, тех коммуникативных целей, которые он перед собой ставит, вводя в текст вкрапление.

Традиционно исследователи обращают внимание на такие мотивы и цели использования вкраплений, как создание комического эффекта, выражение сарказма, иронии и сатирического изображения персонажей, создания достоверной картины определенной эпохи, отражения исторической обстановки. С. Влахов и С. Флорин указывают на то, что вкрапление вводится автором «для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии» [2, с. 263]. В этом случае они могут быть чертой идиостиля писателя и выполнять идейно-художественную функцию.

Показательно употребление вкраплений, например в публицистических и деловых текстах в качестве вторичных (эмотивных, коннотативных) номинаций, вносящих в контекст свой компонент эмотивной

оценочности, выражающей спектр ценностных установок говорящего субъекта. В этом случае почти всегда существует эквивалентное слово в принимающем языке, которое в силу прагматических установок говорящий / пишущий не использует.

Как правило, успешность понимания иноязычного вкрапления зависит от насыщенности контекста семантической (аллюзивной) информацией либо от связи выражения с ситуативно-реальными обстоятельствами текстопорождения, которые выступают опорой для его рецепции. Использование иноязычных вкраплений в текстах свидетельствует еще и о том, что обращение к ним со стороны говорящего обусловлено прогнозируемым им перлокутивным эффектом, расчетом на успешность коммуникативного акта, знанием того, что слушающий умеет интерпретировать текст с данными речевыми средствами.

Наконец, факт появления вкраплений зависит от комплекса внешних обстоятельств языкового и культурного плана: типа текста, в котором функционирует вкрапление, его жанрово-стилистических характеристик; характера контактов между языками; интенсивности и плотности культурных контактов между носителями языков. Не последнюю роль в качественной наполненности состава вкраплений в дискурсе играют факторы времени и языковой моды как сложного социально-речевого явления. Так, современные славянские языки (и не только славянские) демонстрируют моду на употребление англицизмов и американизмов в качестве иноязычных вкраплений. Они становятся атрибутом массмедийного дискурса (публицистики, рекламы, бизнеса, телевизионной речи, Интернета). Изменение статуса вкраплений в современных межъязыковых контактах в целом обусловлено процессами глобализации, усилением межкультурных связей, интеграцией наук, интенсификацией обмена информацией, стандартизацией образования, экспансией массовой культуры.

Русское слово также может получать статус иноязычного вкрапления, проявляя специфику контактов принимающего и русского языков и межкультурных контактов носителей этих языков. Входя в чужой язык, оно становится заметным элементом его дискурсов.

Судьба русских языковых вкраплений, как и вообще русизмов, показательна в современном польском языке. Взаимоотношения русского и польского языков всегда отличались интенсивностью контактов (см., напр., [1; 6; 7]). В современном польском языке русизмы достаточно широко употребляются в речи. Это явление нашло свое теоретическое и лексикографическое осмысление (см., напр., [8]).

Использование русских языковых вкраплений в публичном дискурсе свидетельствует еще и о том, что обращение к ним со стороны отправителя обусловлено прогнозируемым им перлокутивным эффектом, расчетом на успешность коммуникативного акта, знанием того, что получатель умеет интерпретировать текст с данными речевыми средствами. Такие прогнозы, расчеты и знания определены достаточно длительным присутствием русского языка в культурно-языковом пространстве поляков. Шкала знаний поляками русского языка колеблется от активного владения до пассивного восприятия. Это знание – узнавание единиц русского языка – вместе с определенными фоновыми знаниями, в которых не последнее место занимает знакомство с русской

литературой и культурой, российскими реалиями, формирует своеобразную когнитивно-семантическую базу для принятия и воспроизведения русских вкраплений в польском дискурсе.

Особенностью польского дискурса по отношению к принимаемым элементам (вкраплениям) из русского языка можно назвать то, что в них почти никогда не воспроизводится их исконный (кириллический) графический облик. Поэтому русские языковые вкрапления в польском тексте не отличаются такой большой степенью контрастности, которую, например, имеют в русском языке вкрапления из западноевропейских языков, употребляемые в латинской графике языка-источника.

В структурном плане русские вкрапления, воспроизводимые в польском дискурсе, могут быть представлены отдельными словами, словосочетаниями, предложениями-высказываниями, реже целым текстом. Особенностью польского дискурса по отношению к русским вкраплениям в том случае, если они выражены одним словом, является стремление к их частичной морфологической адаптации (например, русская *уравниловка* в речи получает польскую флексию: *urawniłowka*). Причина этого кроется, вероятно, в близости морфологической и словообразовательной систем этих двух славянских языков.

По своей природе русизмы-вкрапления представляют собой группу выражений, в которой тематико-семантическая разнородность состава определена такими закономерностями, как, во-первых, необходимость номинации российских реалий, во-вторых, возможность использования в тексте прагматической силы иноязычного элемента.

Русизмы стали тем явлением в польском публицистическом дискурсе, которое дает возможность обнаружить и некоторые специфические черты межкультурной коммуникации русских и поляков. И хотя нельзя сказать, что русские вкрапления в польском публицистическом дискурсе встречаются достаточно часто, однако они заметны для польского читателя и слушателя, имеющего обыкновение обращаться за информацией к таким печатным изданиям, как «Polityka», «Wprost», «Newsweek – Polska», «Przekrój», «Ozon», «Gazeta Wyborcza», «Uważam, Rze» и др.

Как показал наш анализ, вкрапление может выполнять в тексте вполне определенные функции, обнаруживая различные возможности участия в структурной и смысловой организации текста. Прежде всего, они могут функционировать как номинации в объективном повествовании, передающем событийную информацию, обозначая, как правило, российские реалии:

Mrozoodporni Rosjanie (tytuł) Nawet multimilionerzy nie mogą w Rosji obyć się bez **walonek**... Arktyka **gazowików** (śródtytuł)... Nadym to miasto **«gazowików»**, ludzi obsługujących rozrzucone na przestrzeni setek kilometrów odwierty. Gazprom dba o swoich pracowników. <...> («Wprost». 2006. 5.02).

Padły słynne **«Izwestia»** – niegdyś okręt flagowy prasy radzieckiej i rosyjskiej. A wydawany przez **«Kommiersant»** tygodnik **«Włast»**... Telewizja **Rossija, NTW i ORT... W runecie**, jak nazywa się sfera rosyjskiej sieci, można znaleźć wszystko («Uważam, Rze». 2011. 17.08).

Однако чаще всего использование русизмов в польском тексте определено их прагматической силой: возможностью выразить коммуни-

кативные интенции говорящего, воздействовать на адресата через выражение оценки, создание экспрессивности и эмоциональности текста.

Русские выражения являются весьма эффективным (и эффективным) средством достижения эмоционально-экспрессивной и стилистической выразительности польского публицистического дискурса. При этом их оценочность почти всегда сопровождается экспликацией модуса чуждости — «чужого», «чужих», вследствие чего они почти всегда выражают негативную оценку, проявляющую ментальную модель говорящего субъекта: его мировоззренческую позицию, политическую установку, поведенческие мотивы. Например:

Matuszka-sowietuszka Rossija («Ozon». 2006. 8.02); Tymczasem *kremłowska wierchuszka* chce sprawić wrażenie, że już gotuje się do generalnej rozprawy z terrorystami («Newsweek — Polska». 2004. 19.09); Pierwsza to **«pilerskaja komanda»**, ci którzy pracowali z prezydentem w Sankt Petersburgu, druga zaś to odziedziczona po Jelcynie **«rodzina»**. Najbardziej znani przedstawiciele **«drużyny z Sankt Petersburga»** to; («Wprost». 2002. 20.01); **«Car Dymitr»** (название статьи, «Metro». 2008. 7.05); **«Pionierka»** Nelly wykrzyczała, to co za chwile powie Jan («Newsweek — Polska». 2007. 14.01); **«Za wiarę w komunizm i niemiecka solidnością doszła do «funkcji priedsedatela komnaty Lenina»**, czyli opiekunki Sali pamięci twórcy bolszewizmu... należało na przykład odtwarzanie z płyty gramofonowej głosu **Włodzimierza Iljicza** («Newsweek — Polska». 2007. 14.01); **«Tisze jedziesz, dalsze budiesz»** — mówią Rosjanie. Jeśli chcemy się czegoś od nich nauczyć, to właśnie tego. («Wprost». 2008. 28.01); **«Стой, одень каску»** (фотография в журнале). Комментарий к ней: Stój, załóż kask. W kontaktach z rosyjskim biznesem ostrożność jest zawsze wskazana, ale bez przesadnej asekuracji («Newsweek — Polska». 2008. 16.03); W rosyjskiej społeczności sieciowej powszechnie uważa się, że była to **«razwiedka bojem»**, manewry przeprowadzane przez wyspecjalizowane służby rosyjskie... («Uważam, Rze». 2011. 1—7.08).

Введение иноязычного элемента в публицистический текст, как видно из приведенных выше примеров, может быть снабжено различными метатекстовыми маркерами: комментарием, оговоркой, курсивом, кавычками, вводными словами, переводом, которые проявляют «чужеродность» данного выражения, указывают на сознательно фиксируемые коннотации чуждости.

В характере, составе, функциях и способе презентации русизмов-вкраплений в современном польском публицистическом дискурсе проявляются особенности межкультурной коммуникации (интеракции) поляков и русских: как показывает материал публицистики, употребляя русизмы-вкрапления в своей речи, поляки почти всегда дистанцируются от них, обнаруживая свое языковое и культурное отличие. Культурная дистанция между поляками и русскими обусловлена культурно-историческими обстоятельствами и закреплена в таких стереотипах в сознании жителей Польши, которые проявляются в оппозициях *свое — чужое, прогрессивное — отсталое / регрессивное, правильное — неправильное, хорошее — плохое, Запад — Восток, Европа — Россия*. Один из главных стереотипов, обнаруживаемых в функционировании русизмов-вкраплений, — отождествление *русского и советского*, а также постановка знака равенства между понятиями *Россия и империя*.

Именно креативная сущность дискурса дает возможность проявляться этим настроениям, обнаруживая их через такую дискурсивную единицу, как вкрапление-русизм. Вместе с тем вкрапление участвует в формировании самого дискурса, проявляя и выражая специфичность когнитивно-прагматической базы каждой дискурсивной формации.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. №1. С. 3–25.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Международные отношения. М., 1980.
3. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
4. *Леонтьев А.А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. №7. С. 60–68.
5. *Листрова-Правда Ю.Т.* Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в.: на материале немецких вкраплений. Воронеж, 1979.
6. *Яворска Ю.Л.* Очерки по русско-польским взаимодействиям. Щецин, 1983.
7. *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII wieku. Opole, 1975.
8. *Lubaś W.* Słownik polskich leksemów potocznych. Kraków, 2001–2006.

Об авторе

Зоя Леонидовна Новоженова – д-р филол. наук, проф., Гданьский университет (Польша).

E-mail: zln@O2.pl

About author

Prof. Zoya Novozhenova, University of Gdansk (Poland).

E-mail: zln@O2.pl